

Проснувшись на следующее утро, Ше Цзе вновь обратился в прежнего наследника — беззаботного гуляку, с чьего лица не сходила глуповатая улыбка. Была у него такая особенность: стоило закрыть и открыть глаза, как любые невзгоды и печали оставались в дне вчерашнем. Новый же день сулил новые радости.

Разумеется, душевное состояние Ше Цзе никак не влияло на необходимость поднять арендную плату — этот шаг был столь же неотвратим и беспощаден, как материнская порка.

Не прошло и месяца с заселения, как плата подскочила вдвое. Разумеется, жильцы взбунтовались — дураками они не были. Тем более что обитали здесь важные государственные мужи, вершившие судьбы страны. Пусть времена изменились, но гордость их никуда не делась!

Вскоре один из старейших сановников, кичившийся службой при четырёх императорах, подал прошение самому Шэнь-цзуну, уповая на его справедливость.

Проще говоря, побежал жаловаться старшим.

Государь, исполнявший роль этого самого «старшего», лишь досадливо поморщился от навалившейся головной боли.

Узнав об этом, Ше Цзе лишь снисходительно цыкнул. Похоже, люди слишком заблуждались на его счёт.

— Неужели они думают, что я испугаюсь жалоб императору? — фыркнул он. — Мой младший дядя с собственной жизнью совладать не может, где уж ему со мной управиться?

Цянь Цзя лишь мысленно признал его правоту.

Старым жалобщиком, величавшим себя опорой четырёх правлений, оказался старейшина Гао, чей дом соседствовал с усадьбой Ше Цзе. Приходился этот старик тестем действующему вице-канцлеру — чиновнику, которого в народе величали вторым лицом в правительстве.

Хотя старейшина Гао и доводился тестем столь высокому лицу, сам по себе он выдающимися талантами обделен был природой. Чин имел мелкий, зато гонору — хоть отбавляй. Лишь благодаря почтенному возрасту (ведь все его ровесники давно упокоились в сырой земле) он мог молоть языком всё, что заблагорассудится. Старик обожал разыгрывать из себя важную птицу и на ходу переписывать историю. Сегодня он хвастался, как вел философские беседы с покойными мудрецами былых времен, завтра принимался уверять, будто величайшие светила литературы просили у него совета. Но пуще всего он любил кичиться своим статусом ветерана четырех династий, разве что не приписывая себе заслугу в том, что именно он помог великому предку Тай-цу завоевать Поднебесную.

Быть может, при дворе ещё оставались простаки, которых можно было смутить подобным

долголетием, но Ше Цзе, прекрасно осведомлённый о семейных тайнах, платил старику лишь глубочайшим презрением.

Какая, к чёрту, опора четырёх династий! В год кончины Тай-цзу этот проныра едва-едва сумел протиснуться в самые низы списка сдавших экзамен цзиньши. В ту пору страна только строилась, государь испытывал острую нужду в людях, и лишь по направлению минцзин набрали триста восемьдесят четыре человека. Наш старец оказался триста восемьдесят третьим. Кроме недюжинного везения, гордиться ему было решительно нечем.

Раздосадованный полным равнодушием юноши, старейшина Гао не только накатыл на него донос, но и соизволил отправить личное письмо. Прикрывшись маской старинного приятеля покойного Ше Хэ, он вознамерился проучить непутёвого отпрыска. Послание начиналось прямо с порога: «Желторотый юнец!»

Дальнейшую писанину Ше Цзе даже читать не стал. Взяв кисть, он мастерски воспроизвел летящий почерк отца и размашисто начертал в ответ пять иероглифов: «Слишком длинно. Читать не стану. Проваливай!»

Ше Цзе не отличался добродетелями, и, помимо смазливового личика, единственным его достоинством была, пожалуй, великолепная каллиграфия. С самого детства матушка, уперев руки в бока и вооружившись плетью, лично следила за каждым его движением, заставляя черточка к черточке копировать старые отцовские прописи. В своё время даже Вэнь-ди чистосердечно признавал, что в искусстве письма уступает Туньэру.

— Вздумал поучать меня от имени батюшки? А он у батюшки соизволил спросить разрешения? — запальчиво вещал Ше Цзе. — Передайте старому хрычу, пусть не примазывается к чужой славе. Люди из круга моего отца на одном поле с ним... кхм, на порог бы его не пустили! Пусть поживее пакует свои манатки и выметается!

Ше Цзе и впрямь не на шутку рассердился. Теперь он не собирался поднимать плату — он вознамерился вышвырнуть наглеца вон!

Память о Ше Хэ оставалась для юноши той самой священной чешуёй на шее дракона, к которой никому не дозволено прикасаться под страхом смерти.

К тому же старый управляющий усадьбы ещё при составлении договоров предусмотрительно внёс пункт о том, что плата может соотнобразовываться с рыночными колебаниями. Да и будь Ше Цзе хоть трижды неправ... Кого волнует неустойка при его вздорном нраве? Заплатить за расторжение договора? Денег у него куры не клюют. Хватит ли тройного возмещения? Если мало — он выложит пятикратное! Лишь бы этот старый пенё убрался восвояси, а о продлении аренды и речи быть не могло.

А сколько драгоценного времени старейшина Гао отныне потратит на дорогу до дворца и обратно, сколько лишнего ему придется наматывать каждый день — извиняйте, подобные мелочи наследника Ше нисколько не заботили.

Либо терпи, либо проваливай — проще некуда.

Быть беспощадным — удел, в котором Ше Цзе не знал равных.

Он никогда не стремился прослыть добродетелем и уж точно не боялся нажить врагов. В своё время, будучи спасённым, Вэнь-ди жаждал осыпать юношу щедрыми дарами, но тот упорно отказывался. Делать было нечего, и тогда государь отправил ему тайный указ вместе с наследной золотой табличкой освобождения от смерти.

Старый управляющий усадьбы, держа в руках письмо от великой старшей принцессы-покровительницы государства, отвесил глубокий поклон в сторону префектуры Интянь. Душа его была полна благоговейного трепета. Всё-таки её высочество знала своего сына как никто другой. Если бы Ше Цзе не устроил переполох из-за какой-то аренды, он перестал бы быть самим собой.

Однако затеянная наследником смута была лишь верхушкой айсберга.

А началось всё с прибытия неожиданных гостей с родины его отца.

Как упоминалось ранее, предки Ше Цзе по материнской линии были простыми землепашцами из речного края Цзянцзо. По иронии судьбы его отец происходил из тех же мест. Родственники матери обосновались в селении Сяньшаньбэй, где Вэни были единственными чужаками. Родственники же отца веками жили в Сяньшаньнани, где каждый первый носил фамилию Ше — связь между ними была нерушима, как единая плоть и кровь.

Простые и незамысловатые названия говорили сами за себя. Семьи его родителей разделял лишь поросший лесом холм, однако говор жителей северного и южного склонов различался настолько, что они не понимали ни единого слова друг друга.

Тем не менее, уезжая на чужбину, и те и другие гордо именовали себя выходцами из Цзянцзо.

Ше Цзе порой забавлялся мыслью, что Цзянцзо — место удивительное и таинственное. С одной стороны, оно вспоило утончённый род его отца, славный своей учёностью и благородными манерами, с другой — породило неотесанных буянов со стороны матери, выросших среди суровых скал и диких вод.

Увы, удел первых — бесплодные умствования книжников, не способных поднять восстание и за три года, вторые же просто пришли, смели всех на своём пути и объединили Поднебесную.

Каким бы выдающимся умом ты ни обладал, против кавалерийского копья он бессилен. И пусть последующие правители из рода Вэнь всячески возвышали учёных мужей, народ всё ещё помнил, на чьих костях зиждется величие их трона.

Впрочем, у каждого пути имелись свои достоинства и недостатки.

За те два года, что Ше Цзе провёл в городе Цзянцзо, излюбленным его развлечением стали встречи с многочисленной родней. Особенно досаждали родственники с отцовской стороны: каждые три дня они запрягали ослиную повозку и целой толпой заваливались в городские ворота.

Впрочем, они не искали лёгкой наживы. В конце концов, их предки некогда владели укреплёнными поместьями-убао и принадлежали к благородным домам. Пусть род со временем пришёл в упадок, горделивое наследие эпох Вэй и Цзинь не угасло в их сердцах: эти люди скорее согласились бы умереть от голода, нежели принять подачку. Вероятно, именно в такой атмосфере и мог вырасти истинный муж искусства — отец Ше Цзе.

Без преувеличения, Ше Хэ был гордостью всего клана Ше. И пускай его давно не было в живых, а прах покоился в земле, сородичи при любом мало-мальски важном споре неизменно собирались перед его поминальной табличкой и устраивали шумные дебаты.

Покойный не был главой клана, но почитался превыше любого старейшины.

И здесь Ше Цзе в очередной раз счёл своим долгом вознести хвалу отцу.

Ше Хэ почитался в Великой династии Ци как величайший литератор, непревзойденный каллиграф и... не слишком удачливый политик. Овеянный небесной чистотой, истинный благородный муж, он когда-то стал лучшим среди выпускников-чжуаньюаней. О том, как он гарцевал на коне по столичным улицам, люди судачили десятилетиями. Но, увы, прекрасные юноши, подобно великим героям, редко доживают до седины.

Ше Хэ ушёл из жизни в самом расцвете сил. По иронии судьбы, эта безвременная трагедия лишь возвеличила его славу по всей Поднебесной. Поговаривали, что даже дикие племена варваров проливали слёзы о безвременно почившем господине Ше.

В наследство от родителя Ше Цзе получил безупречную внешность и превосходный почерк, но на этом их сходство исчерпывалось. Бывшие друзья и сослуживцы Ше Хэ при виде юноши частенько сокрушённо качали головами и вздыхали: «Какая жалость, какая неопишуемая жалость...»

О чём именно они сожалели, никому объяснять не требовалось.

Казалось бы, упрямому юноше, выросшему в тени столь великого предка, полагалось бы возненавидеть покойника. Но у Ше Цзе в голове явно гнезвился какой-то изъяз, а ход его мыслей всегда отличался редким упрямством. Когда посторонние докучали ему сравнениями с отцом, он не усматривал в этом собственной ничтожности. Напротив, он упрямо верил, будто недоброжелатели пытаются поссорить его с родителем. И чем сильнее его пытались задеть, тем нежнее он чтит память Ше Хэ.

Откуда в его разуме зародились подобные подозрения — тайна за семью печатями, но факт оставался фактом: трижды в год во время великих поминальных празднеств наследник Ше устраивал пышные жертвоприношения. Его рвение могло бы растрогать сами Небеса, и в народе он неожиданно снискал славу образца сыновней почтительности.

Самому юноше до пересудов не было дела, но его матушка, Великая старшая принцесса-покровительница государства, относилась к репутации сына со всей серьезностью. С таким козырем на руках ей было куда сподручнее выбивать у императора новые титулы и должности для своего ненаглядного чада.

Но вернемся к делу.

Любовь сородичей к покойному Ше Хэ во многом объяснялась существованием благотворительной усадьбы — ичжуана Ше, созданного его стараниями.

Само слово «ичжуан» некогда наложило глубокий отпечаток на неокрепшую детскую психику Ше Цзе. Какому-то недоумку пришла в голову мысль называть этим словом деревенские морги, где временно покоились гробы. Юноша рос на жутких байках о призраках, мертвецах и загадочных убийствах, происходивших в стенах подобных мест, а потому долгое время пребывал в уверенности, что ичжуан — это обиталище истинного кошмара.

Лишь после переезда в Цзянцзо он уяснил истинное значение этого термина. Ичжуаном в Поднебесной величали благотворительное поместье, доходы с которого шли на нужды бедных родственников. Хранение же гробов было лишь редким, местечковым исключением.

Устройство такого поместья было на удивление простым: отец Ше Цзе при жизни выкупил тысячи му плодородных земель и нанял сородичей для их возделывания. Вырученные от продажи урожая средства направлялись на содержание вдов, сирот и стариков, а также на нужды всего клана.

Великая династия Ци как раз переживала эпоху возрождения родовых союзов, и появление подобных благотворительных усадеб пришлось как нельзя кстати.

Среди всех подобных усадеб наибольшей славой пользовалось благотворительное поместье клана Фань, основанное великим Фань Чжунъянем. Тот самый государственный муж, провозгласивший, что благородный человек должен первым сокрушаться о бедах Поднебесной и последним радоваться её счастью, пожертвовал все свои сбережения родному клану. Установленные им правила позволяли кормить престарелых вдов и оплачивать обучение сирот.

Ше Хэ, глубоко тронутый этим примером, мечтал основать нечто подобное в родных краях, дабы обделенные судьбой дети из бедных семей могли получить образование и, подобно ему, изменить свою участь.

Увы, претворить замысел в жизнь он не успел — несчастный случай оборвал его дни.

Однако Великая старшая принцесса-покровительница государства питала к супругу искреннюю, глубокую любовь. Объявив создание поместья последней волей усопшего, она не пожалела ни собственных средств, ни людей, чтобы довести дело до конца. Благодаря её щедрости имя названного зятя Ше поминали добрым словом на каждом углу.

Сородичи Ше из Сяньшаньнани также были преисполнены глубокой благодарности. Переняв устав усадьбы Фань, они не только наладили ведение дел, но и переняли обычай разрешать любые тяжбы перед поминальной табличкой благодетеля.

До того как Ше Цзе обосновался в Цзянцзо, поминальная табличка его отца хранилась по соседству — в родовом храме Вэней в Сяньшаньнани. По поводу и без сородичи из рода Ше навещали соседей, дабы поддерживать добрые отношения между родственными семьями. С приездом Ше Цзе всё переменялось. Разумеется, он не мог потребовать: «А ну-ка принесите мне табличку моего названного брата Вэнь-ди!» — для императора ему пришлось заказать новую. Зато с отцовской святыней он церемониться не стал: явился без предупреждения и просто унёс табличку с собой. И никто не посмел преградить ему путь — такова была магия безграничной власти.

С тех пор у деревенской родни вошло в привычку раз в несколько дней навещаться в городскую усадьбу Ше.

Каждый раз они приносили с собой кучу пустяковых соседских склок, от которых у Ше Цзе начинала раскалываться голова. Не стал исключением и этот день. В ту пору юноша еще не проводил призрак своего двоюродного брата — по крайней мере, в его собственном воображении усопший всё ещё следовал за ним тенью. Обернувшись к пустому месту, Ше Цзе заговорщицки шепнул в воздух:

— Скуотища смертная, правда?

И в его мыслях невидимый брат стоял рядом — высокий, статный, с мягкой и немного виноватой улыбкой, в которой сквозила безграничная нежность.

«Потерпи еще немного, хорошо? Я побуду рядом. Даже если тебе невыносимо скучно, не стоит говорить об этом при всех — это повредит твоей репутации».

Его покойный кузен был истинным праведником, готовым сострадать каждому встречному, а к Ше Цзе и вовсе относился с трепетом. Наблюдая за его участью, юноша твердо решил: сам он хорошим человеком не станет ни за какие коврижки. Добряки на этом свете долго не живут.

Вопреки мысленным уговорам брата, он всё же капризно протянул:

— И так из раза в раз. Неужели вы не можете придумать что-нибудь новенькое?

Двое стоявших перед ним сородичей испуганно замахали руками:

— О нет, господин, помилуйте! Как можно! Мы не смеем придумывать ничего нового!

Ше Цзе лишился дара речи.

«...»

«Все вокруг уверяли, что свою взбалмошность он унаследовал от буйной материнской родни. Но глядя на этих простодушных простаков, юноша заподозрил, что пошёл всё-таки в отца».

<http://bllate.org/book/19472/1956115>